

УДК 323

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_69

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Александр Юрьевич Бубнов,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Факультет политологии МГУ им. Ломоносова,
Москва, Россия,
alexandr-bubnov@mail.ru

Получена 12.12.2024.

Поступила после рецензирования 05.02.2025.

Принята к публикации 12.02.2025.

Для цитирования: Бубнов А.Ю. Постколониальные дискурсы в исторической политике на постсоветском пространстве // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 69–84. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_69

Аннотация

Статья посвящена анализу постколониальных дискурсов в исторической политике стран постсоветского пространства, в том числе во внутренней политике России. Основным инструментом трансляции постколониальных дискурсов выступает учебная литература как «привилегированный нарратив», формируемый в рамках государственной исторической политики, а так же общественные дискуссии и коммеморативные практики. Акцент в исследовании сделан на тех исторических событиях, которые используются в интересах построения национальных идентичностей. Теоретической рамкой исследования является концепт постколониального национализма, подразумевающий конструирование нации через противостояние с империей как враждебным «другим». Национальные истории почти всех постсоветских стран акцентируют период колониального угнетения со стороны Российской империи, таким образом, имперский период выступает образцом для создания постколониальных дискурсов. В законченном виде постколониальный национа-

© Бубнов А.Ю., 2025

лизм связывает Российскую империю, Советский Союз и Российскую Федерацию в единую линию «колониального угнетения». В статье анализируются примеры Украины, стран Средней Азии (Казахстана, Узбекистана и Таджикистана) и российских регионов с национальной спецификой (Северного Кавказа и Поволжья). Украина рассматривается как пример пройденного до конца пути от доминирования в учебной литературе постколониальных исторических нарративов до построения антироссийской идентичности. В исторической политике государств Средней Азии в целом преобладает негативное восприятие Российской империи и СССР. Однако допускается позитивная оценка отдельных сторон «колониального периода», преимущественно советских практик модернизации, что зависит от взаимоотношений конкретной страны с Россией. В регионах Северного Кавказа и Поволжья постколониальные дискурсы вытеснены из публичной сферы и существуют в скрытом виде, проявляясь в конфликтах, связанных с мемориальными практиками и региональными версиями памяти.

Ключевые слова:

постколониализм, историческая политика, мемориальные практики, мемориальные конфликты, национализм, империя, привилегированный нарратив, постсоветское пространство

Источники финансирования:

статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2024-0007 «Постколониализм как инструмент культуры отмены: особенности дискурса и мемориальные практики»).

UDC 323

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_69

POSTCOLONIAL DISCOURSES IN HISTORICAL POLITICS OF THE POST-SOVIET SPACE

Aleksandr Yu. Bubnov,

State Academic University for the Humanities;
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
alexandr-bubnov@mail.ru

Received 12.12.2024.

Revised 05.02.2025.

Accepted 12.02.2025.

For citation: Bubnov, A. Yu. (2025). Postcolonial Discourses in Historical Politics of the Post-Soviet Space. *Discourse-P*, 22(1), 69–84. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_69

Abstract

The article examines postcolonial discourses within the historical policies of the post-Soviet countries, with a particular focus on the domestic policy of Russia. The primary vehicle for conveying these postcolonial discourses is educational literature, which serves as a “privileged narrative” shaped by state historical policy, alongside public discussions and commemorative practices. The study emphasizes historical events that are instrumental in constructing national identities. The theoretical framework is grounded in the concept of *postcolonial nationalism*, which posits that nations are constructed through a confrontation with the empire as a hostile “other”. In nearly all post-Soviet countries, national histories highlight the colonial oppression experienced under the Russian Empire, positioning this imperial period as a foundational model for the development of postcolonial discourses. In its completed form, *postcolonial nationalism* weaves together the Russian Empire, the Soviet Union, and the Russian Federation into a continuous narrative of “colonial oppression”. The article analyzes case studies from Ukraine, Central Asian countries (Kazakhstan, Uzbekistan, and Tajikistan) and Russian regions with distinct national specifics (the North Caucasus and the Volga region). Ukraine serves as a compelling case study that exemplifies a comprehensive trajectory, evolving from the dominance of postcolonial historical narratives in educational literature to the formation of an anti-Russian identity. In Central Asian states, a predominantly negative perception of the Russian Empire and the USSR prevails, although certain aspects of the “colonial period”, particularly Soviet modernization practices, may be viewed positively, depending on the relationship of a particular country with Russia. In the North Caucasus and Volga regions, postcolonial discourses are largely marginalized in the public sphere. They exist in a latent form instead, manifesting in conflicts related to memorial practices and regional interpretations of collective memory.

Keywords:

postcolonialism, historical politics, memorial practices, memorial conflicts, nationalism, empire, privileged narrative, post-Soviet space

Funding:

The article was developed at the State Academic University for the Humanities as a part of a state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, following the results of the competitive selection of Social Research Expert Institute (EISI) (topic No. FZNF-2024-0007 “Postcolonialism as a Tool of Cancel Culture: Features of Discourse and Memorial Practices”).

Постколониальные дискурсы в контексте исторической политики

Под постколониализмом, в широком смысле, понимается период в истории стран, являвшихся в прошлом колониями держав Запада, освободившихся впоследствии от экономической и политической зависимости, но находящихся в ситуации укрепления своих национальных идентичностей и борьбы с культурными остатками колониализма. Существует несколько вариантов постколониальных дискурсов, подчас довольно радикально отличающихся базовыми подходами и объектами критики. Наряду с либеральными подходами, ориентированными на мультикультурализм и глобализм, популярность приобрел и постколониалистский национализм, использующий постколониальную риторику для укрепления националистических нарративов. Д. Уффельманн в качестве основных признаков использования постколониальной теории в интересах национализма выделяет понимание своих как безусловной жертвы (при этом отрицаются и игнорируются любые преступления и ошибки с их стороны), а также придание конфликту с чужим экзистенциальный характер и, следовательно, отрицание релятивности и историчности любых конфликтов (Уффельманн, 2020).

На уровне государственной политики мы можем наблюдать активное использование методологии и риторических приемов постколониальных исследований в интересах построения новых национальных идентичностей, а в ряде случаев – и для разжигания национал-сепаратизма. Можно утверждать, что апелляции к идее защиты национальной идентичности от колониальной угрозы зачастую выступают в культурной сфере инструментом упрочения власти в руках националистических элит новых независимых государств. Одним из важнейших направлений борьбы с колониальным подчинением (мнимым и реальным) становится историческая память, а инструментом «освобождения» – историческая политика, в том числе учебная литература и мемориальные практики. Марк Ферро в своем классическом исследовании школьных учебников разных стран отмечал, что «все общества Юга деколонизируют свою историю, и часто теми же средствами, какими пользовались колонизаторы, т. е. конструируют историю, противоположную той, что им навязывалась прежде» (Ферро, 1992, с. 11).

Постколониальный национализм играет значительную роль в конструировании национальных мифов постсоветских стран. Как показывает В. А. Шнирельман, логика этноцентрических нарративов, начинаясь с защиты национальной памяти, оборачивается искусственной абсолютизацией национальных культур и преувеличением различий исторических путей соседних народов (Шнирельман, 2024, с. 18). Для большинства постсоветских стран традиция этноцентрических нарративов восходит к советской политике 1920-х гг., в которой воедино сплеталась «коренизация», поощрение национальных интеллигенций и политически обоснованная диффамация царской России как колониальной империи и «тюрьмы народов», на чем специализировался М. Н. Покровский и его школа. Таким образом, антиколониальная риторика в отношении России была вплетена в национальные мифы уже на раннем этапе становления советской власти, затем приглушена вместе с разворотом к «русско-советскому патриотизму» и снова актуализирована с распадом СССР. Структура многих этноцентрических мифов содержит вплетенные в них антиколониальные дискурсы, подразумевающие

противостояние с империей как враждебным *другим*. Представление России в качестве исторического врага стало способом сборки национальных идентичностей на постсоветском пространстве, объясняя вновь обретенную независимость восстановлением государственной традиции, прерванной колониальной политикой России (Багдасарян, 2018, с. 68).

Цель статьи, таким образом, состоит в изучении использования постколониальных дискурсов в исторической политике государств постсоветского пространства, в том числе во внутрirosсийской повестке, в контексте регионов с этно-религиозной спецификой.

Постколониальный национализм: украинский случай

Украина является эталонным примером воздействия дискурсов постколониального национализма на национальный нарратив. Являясь одним из самых радикальных вариантов постколониальной риторики на постсоветском пространстве, украинский нарратив выстроен вокруг извечной борьбы украинцев за независимость против имперского гнета Москвы. Украинский случай интересен еще и тем, что представляет пройденный до конца путь от постколониальных дискурсов в исторической политике к радикальной антироссийской идентичности.

Рост популярности антиимперской риторики в украинском обществе относится ко времени «поздней перестройки», когда в общественной дискуссии, подготавливавшей независимость, формировался негативный имидж Российской империи и ее преемника – Советского Союза. После обретения независимости началось исправление учебников и создание национального привилегированного нарратива, заимствованного практически полностью у зарубежной украинской диаспоры и дореволюционной народнической историографии. В учебниках 1990-х и начала 2000-х гг. (до событий 2004 года) сложились устойчивые шаблоны о колонизаторской сущности русской истории на всем ее протяжении. Г.В. Касьянов отмечает: «Советский период однозначно рассматривается как наихудший в истории доминирования России на украинских землях. При этом нередко “имперский синдром” как синоним экспансионизма представляется в качестве имманентной черты русского самосознания и политических элит чуть ли не со времен Ивана Грозного (разумеется, это наиболее радикальный вариант, заимствованный у Д. Донцова и радикальных националистов)» (Касьянов, 2004, с. 86). При этом именно школьные учебники оказали влияние на современную украинскую историографию, а не наоборот, радикализовав ее в националистическом ключе в противовес менее радикальным академическим альтернативам.

Для этноцентрического нарратива характерно изучение истории Украины как истории ведущей этнической группы. При этом доминирует ретроспективный подход, опрокидывающий современные представления в прошлое и оценивающий исторические события с позиции вневременного существования нации. Это вызывает колебания между подчеркиванием решающей роли украинцев в тех или иных событиях имперской истории и ее отторжением. Что, в частности, проявляется в ревизии нарратива о русско-турецких войнах XIX в., которые объявляются объективно чужими, несмотря на проявленный

украинцами героизм и ставшие их результатом территориальные приобретения для потенциальной украинской государственности (Багдасарян, 2018). Период формирования национального нарратива в учебной литературе до событий «майдана» 2004 г. особенно интересен, поскольку отражает первый этап трансляции постколониального дискурса, начавшийся задолго до острого геополитического противостояния и войн памяти.

Общая тенденция всего последующего периода, начиная с 2004 г. – нарастающий перевод потенциальных конфликтов, заложенных на уровне привилегированного нарратива в практики государственной исторической политики. Складывается набор исторических периодов, событий и персоналий, которые становятся объектами конфликта интерпретаций. 1) О присвоении наследия Древней Руси, украинская интерпретация которого ведет к отрицанию общности судьбы восточнославянских народов. 2) Период русско-польской войны и «Руины», связанный с идеей нарушения «перемысловских соглашений» и «похищения» Москвой независимости «казацкого государства». К этому периоду относится еще одна знаковая коммеморация В. Ющенко, посвященная победе украинских казаков над «московским войском» – битва под Конотопом. 3) Период становления Российской империи и полтавская кампания Петра I. При этом акценты переносятся на «Батуринскую резню» 1708 г. и на прославление Мазепы, что способствует актуализации комплекса нарративов, связанных с идеей продолжения борьбы украинцев за независимость в период Российской империи. 4) Период гражданской войны, закончившийся срывом национального проекта, уничтоженного Советской Россией (Касьянов, 2019). Характерно, что наиболее острой проблематикой, вызывавшей в тот период активное противодействие в России на уровне СМИ и государственных органов, были антисоветские дискурсы, в первую очередь Голодомор и глорификация коллаборационизма в годы Второй мировой войны. В то время как постколониальная риторика в отношении имперского периода не рассматривалась в качестве актуальной угрозы.

Влияние постколониальных националистических дискурсов на украинскую историческую политику в 1990-е и 2000-е гг. было радикальным вариантом центральной тенденции развития национальных историй на постсоветском пространстве. В государствах Прибалтики, Грузии и Молдове нахождение в общем с Россией политическом пространстве, будь то Российская империя или Советский Союз, трактовалось преимущественно в постколониальной перспективе, что стало предметом внимания историков уже в то время (Бомсдорф, Бордюгов, 2009; Данилов, Филиппов, 2009). Была и другая альтернатива: такие государства, как Армения и Беларусь, встраивали в национальный нарратив позитивную оценку общего с Россией имперского прошлого. Впрочем, как показали дальнейшие события, обе эти тенденции в значительной степени определялись геополитикой. Армения после 2018 года начинает постепенный отход от союза с Россией и переоценку общего прошлого, в первую очередь советского. После поражения во Второй карабахской войне реанимируется и постколониальный дискурс, появление которого интерпретируется как часть стратегии режима Пашиняна по «нормализации» отношений с Азербайджаном и Турцией. Так, внимание российских экспертов привлекло появление

в учебнике для 8 класса тезиса об «оккупации Восточной Армении» в результате русско-персидской войны 1826–1828 гг.¹

Постколониальный национализм в государствах Средней Азии

Отдельно стоит рассмотреть случай государств Средней (Центральной) Азии. Острого мемориального конфликта, в отличие от Украины или Прибалтики, здесь не было, некоторые из них являются партнерами России по интеграционным проектам на постсоветском пространстве и военными союзниками по ОДКБ, что не мешало постколониальным дискурсам антироссийской направленности изначально присутствовать в учебной литературе и коммеморативных практиках. Со временем это стало вызывать в российском экспертном сообществе все большую озабоченность, поскольку просматривались аналогии с траекторией движения украинского общества.

Так, в Казахстане после обретения независимости постколониальные нарративы были связаны с переоценкой периода пребывания в составе России и СССР. Российская империя, наряду с джунгарами, описывалась как основной враг. Продвигался тезис, что Российская империя, воспользовавшись трудным положением казахских государств, надолго лишила их независимости. Применительно к советскому периоду колониальный характер отношений усматривался в сырьевом характере экономики Казахстана и в продолжение имперской политики подавления национального самосознания казахов. В школьных учебниках, написанных в 2000-е гг., подчеркивалось, что для Казахстана характерно «длительное столетиями колониальное прошлое», а основное содержание истории составляет «национально-освободительная борьба казахского народа на пути к независимости» (Бомсдорф, Бордюгов, 2009, с. 274–278).

В некоторых случаях постколониальный дискурс разворачивался более полно. Так, в учебнике для 11-го класса подчеркивалось, что его основное содержание связано с характеристикой этапов национально-освободительной войны казахского народа за уничтожение колониальной системы и осуществление деколонизации. Причем эта борьба, возведенная в ранг столкновения двух цивилизаций, охватывает период со второй половины XVIII в. до распада СССР в конце XX в. и сопоставляется с «борьбой индийского народа против английских колонизаторов, борьбой алжирского народа против французского колониального господства, войной вьетнамского народа против американского колониализма» (Данилов, Филиппов, 2009, с. 89). В других учебниках присутствуют более сдержанные и объективные оценки, в частности подчеркивается, что процесс присоединения Казахстана к России, занявший 135 лет, носил сложный характер, сочетавший добровольное вхождение и завоевание, а использование слов «колониализм», «колониальная политика» избегается (Данилов, Филиппов, 2009, с. 88).

Схожие тенденции продолжают доминировать и в последующий период. Как показывает анализ учебников, выпущенных в 2018–2019 гг., для них характерны негативная оценка последствий присоединения к России,

¹ Мирзаян, Г. (2024, 9 августа). *Не по-детски. Зачем в армянские учебники добавили «российскую оккупацию»*. Взято 20 октября 2024, с <https://regnum.ru/article/3907543>

нарративы о нарушении Россией договоров и лишении казахов государственности. Политика России определяется как «военно-колониальная экспансия Российской империи», направленная на установление контроля над новыми территориями и эксплуатацию их ресурсов, а восстания казахов – как «народно-освободительные движения против колониальной политики царизма» (Аватков, 2024, с. 24–25).

В Таджикистане после обретения независимости в историографии присутствовали разные оценки периода нахождения в составе Российской империи: от добровольного присоединения до завоевания и колониального захвата (Бомсдорф, Бордюгов, 2009, с. 345). В учебной литературе можно выделить два постколониальных дискурса, условно обозначаемые как исламский и национальный. В рамках исламского дискурса (более ранний учебник 2000 г.) большевикам как преемникам Российской империи ставится в вину «отторжение таджиков от исламского мира» и приобщение к «западным техногенным ценностям». Характерна цитата: «...царская Россия покорила тело, а марксизм-ленинизм большевиков овладел умами таджиков, но сердце осталось непокоренным» (Аватков, 2024, с. 47).

В рамках национального дискурса, который прослеживается в новых учебниках (2017 г.), колониальный опыт Российской империи контрастирует с позитивными оценками некоторых последствий присоединения к СССР, ставших прологом к обретению национальной независимости. Так, в целом положительно оценивается национально-административное деление 1924 г., развитие экономики и культурно-просветительская политика в советский период (Аватков, 2024, с. 43).

Для Узбекистана характерен еще более выраженный постколониальный дискурс, связывающий в единую линию Российскую империю и Советский Союз. В учебных пособиях 2000-х гг. включение в состав Российской империи Средней Азии рассматривается в контексте противостояния двух колониальных империй – России и Великобритании, не различаемых по своим целям и характеру имперской политики. Набор примеров колониальной политики России в Туркестане включает русификацию и переселенческую политику. В некоторых случаях властям Российской империи ставятся в вину общие проблемы, характерные как для внутренних районов страны, так и для многих государств того времени, такие как несправедливая налоговая система, рост эпидемических заболеваний или «уродливый капиталистический строй». В других случаях умалчиваются или предвзято интерпретируются примеры сотрудничества с имперскими властями местных элит, в частности, отказ от поддержки восстания 1916 г. со стороны как представителей прогрессивной интеллигенции (джадидов), так и традиционалистов – кадимистов (Данилов, Филиппов, 2009, с. 92–94).

В учебнике 2001 г. колонизационная программа в отношении Средней Азии возводится к Петру I, а Хивинское ханство называется «неподчинившимся Алжиром Средней Азии», имея в виду неудачные походы 1717 и 1839 гг. Изучение Туркестана русскими учеными тоже рассматривается как элемент колониальных практик. Большое значение имеет постоянное подчеркивание преступлений и жестокостей русских войск, в частности при штурме Чимкента.

Важной особенностью постколониальных нарративов в Узбекистане является тюркоцентризм, акцент на том, что «русским колонизаторам» не удалось разорвать связь с Турцией (Багдасарян, 2018, с. 80–86). Восприятие Российской империи как враждебного другого проявляется и в критике дискурса о позитивных последствиях присоединения, который оценивается как пропагандистский миф о прогрессе и цивилизации, навязываемый колонизаторами (Аватков, 2024, с. 66). Важно, что политика советской власти так же рассматривается в значительной степени как колониальная и шовинистическая, а социалистические преобразования, разрушившие традиционный религиозный и социальный уклад, оцениваются как причина нового этапа национально-освободительной войны. В то же время в отношении современной России отмечается, что страны являются стратегическими партнерами (Аватков, 2024, с. 53–54).

Вот что отмечали в 2009 г. авторы экспертного доклада, посвященного анализу образа России в постсоветских странах: «Общей чертой школьных учебников новых национальных государств является стремление представить контакты с русскими и Россией как источник проблем и неприятностей для предков». «Присоединение тех или иных территорий к России и Российской империи, как правило, оценивается негативно. Выгоды, получаемые народами в рамках большого государства, замалчиваются, акцент делается на утрате самостоятельности». «Не менее важно, **о чем умалчивается**. Кратко можно сказать – обо всем хорошем, что получили народы бывшего СССР от проживания бок о бок с великим русским народом. Отношения между народами в националистической историографии понимаются только как игра с нулевой суммой» (Данилов, Филиппов, 2009, с. 245, 247, 11). Через 15 лет авторы реферативного сборника, посвященного учебникам истории, резюмируют: «На пространстве Постсоветского Востока учебники схожи в своем скорее негативном восприятии России. Развивается навязываемая идея о колониальной политике российского государства, во многом созданная на основе западных подходов и с учетом советского опыта борьбы с империализмом – направленной в том числе и против Российской империи. Проще говоря, советский антиколониальный дискурс перекладывается с имперского периода и на советский, а где-то и на современный российский» (Аватков, 2024, с. 6).

В последние годы можно наблюдать актуализацию темы исторических нарративов в контексте проблем миграционной политики. Вопрос о роли общей исторической памяти в адаптации мигрантов из Средней Азии поднимался российскими экспертами применительно к российско-таджикским школам с обучением на русском языке, чьи учебные программы, как оказалось, транслировали привычный постколониальный нарратив в отношении Российской империи². Не менее показательна ситуация с учебниками на русском в Узбекистане, относящими Советский Союз в период Второй мировой войны к агрессорам, наряду с Германией³.

² См. сообщение Телеграм-канала *Историк Дюков* от 27 марта 2024 г. Взято 20 октября 2024, с <https://t.me/historiographie/12011>

³ См. сообщение Телеграм-канала *Историк Дюков* от 9 сентября 2024 г. Взято 20 октября 2024, с <https://t.me/historiographie/15124>

Постколониальные дискурсы во внутрироссийской повестке

В России постколониальные дискурсы проецировались на взаимоотношения национальных регионов с федеральным центром. На идее колониального угнетения со стороны России (как в прошлом, так и в настоящем) основывались открытые сепаратистские проекты, связанные с проектами разделения России и создания независимых государств, в частности в Поволжье и на Северном Кавказе. Такого рода риторика в публичной сфере за последние 20 лет была маргинализирована, оставаясь, тем не менее, частью информационных войн. В латентном виде постколониальные дискурсы присутствуют в конфликтах связанных с мемориальными практиками и региональными версиями памяти.

Наиболее проблемной остается региональная память о Кавказской войне. Символическая «деколонизация» исторической памяти народов Северного Кавказа началась в момент кризиса российской государственности конца 1980-х – начала 1990-х гг. В период перестройки распространяется постколониальный нарратив связанный с «черкесской проблемой» и «геноцидом» адыгов. В дискурсах историков-адыговедов объединяются имперский и советский периоды как одинаково враждебные адыгам, конструируется нарратив о геноциде через увеличение длительности Кавказской войны до ста лет (начало относится к 1763 г.) и манипулирование проблемой мухаджирства (численность вынужденных переселенцев доводится до 5 млн). Законодательными органами власти и общественными организациями предпринимается ряд попыток добиться признания геноцида адыгов (черкесов) на внутрироссийском и международном уровне, в частности, в 1992 г. Верховным Советом Кабардино-Балкарской ССР принимается постановление с говорящим названием «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-кавказской войны». Постколониальные дискурсы присутствовали в учебной литературе, где борьба против Российской империи характеризовалась как «народно-освободительная» и «антиколониальная». Наиболее радикальным развитием «черкесской проблемы» являются проекты Черкесской республики и Великой Черкесии. Признание «геноцида» активно продвигалось на международный уровень в период подготовки к проведению зимней Олимпиады-2014 в Сочи (Урушадзе, 2020, с. 265–275). Недавний пример использования этой темы во внутрироссийских мемориальных конфликтах относится к 2020 г. и связан с демонтажем мэрией Адлера по требованию «черкесских» активистов памятного знака русским солдатам, участникам Кавказской войны⁴.

«Черкесская проблема» представляет собой крайний случай перевода постколониальных нарративов о Кавказской войне в общественно-политическую плоскость. В латентном варианте они характерны для учебной литературы многих национальных регионов Северного Кавказа. Проводником постколониальной повестки, как и во всех остальных случаях, выступают этноцентрические нарративы. Для регионов Северного Кавказа характерны разные доминирующие события, в частности, в Дагестане это история создания

⁴ Лучанинов, А. (2020, 24 июля). *Кого оскорбил памятник русским героям?* Взято 10 октября 2024, с https://aif.ru/society/opinion/kogo_oskorbil_pamyatnik_russkim_geroyam

теократического государства Шамиля, чье влияние и зона территориального контроля сильно преувеличивается. Однако, как отмечает С.Б. Манышев, основной формой искажения выступает игнорирование мирных форм интеграции и сведение взаимоотношений с Российской империей в XIX в. к перманентной войне, в ходе которой русская армия осуществляет «карательные» операции против героически сопротивляющихся горцев. При этом в ряде случаев учебники рассказывают и о противоположном явлении – участии в войне горцев на стороне Российской империи, как например было в Ингушетии в ходе Назрановского восстания 1858 г. (Манышев, 2020, с. 86–89). Наиболее важным местом мемориального конфликта выступает память о А.П. Ермолове, чей образ в «национальных» республиках связывается с репрессиями и порабощением Кавказа, в то время как для «казачьих» регионов он символизирует твердое и справедливое управление мятежной провинцией империи. Установка памятников Ермолову в Минеральных Водах (2008) и Пятигорске (2010) по инициативе Терского казачьего войска спровоцировала противостояние в разных формах – от информационных кампаний в прессе и социальных сетях до обращений активистов (наиболее острое отношение к коммеморации Ермолова было в Чечне). В 2016 г. ситуация повторилась, когда в московском метро появился поезд «Великие полководцы» с изображением Ермолова.

В Поволжье, в первую очередь в Татарстане и Башкирии, мемориальные конфликты являются наследием периода «парада суверенитетов» и конфронтации с федеральным центром, когда сохранялась возможность использования этноцентрических нарративов для стимулирования сепаратистских настроений. После укрепления вертикали власти и урегулирования спора о полномочиях центра и субъектов федерации острота конфликта спала, будучи вытесненной в повестку националистических организаций.

Для Татарстана это период противостояния Русского государства и Казанского ханства, завершившийся взятием Казани, и попытки ревизии «имперской» памяти об этом событии. С 1989 г. существует коммеморация в честь погибших защитников Казани «День памяти и скорби татарского народа» (Хэтер коне), так и оставшаяся неформальной, хотя попытки придать ей официальный статус неоднократно предпринимались. Символическое значение состояло в воссоздании памяти о потерянной государственности и конституировании победы русских как конфликта ислама и православия. Продвижением «Дня памяти и скорби» как ежегодной мемориальной акции (15 октября) занимался контролируемый националистами Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), признанный в 2022 г. экстремистской организацией (Воронович, 2023, с. 286). В бэкграунде этих попыток пробудить конфликтную память о периоде присоединения Казани к Русскому государству находится сепаратистский проект «Идель-Урал», который восходит к периоду распада единой страны в 1917–1918 гг. Идея объединения исповедующих ислам тюркских народов в период гражданской войны позже трансформируется (при поддержке нацисткой Германии) в коллаборационистский легион «Идель-Урал» и проекты создания Идель-Уральской республики.

В явном виде дискурс отделения Урало-Поволжского региона распространяется в СМИ, ведущих информационную войну против России, в частности, через площадки, связанные с татарско-башкирским подразделением Радио

«Свобода» – «Idel.Реалии». Характерный пример подобного высказывания: «Татары, к которым я принадлежу, имеют историю государственности длиною в полторы тысячи лет, начиная с Тюркского каганата, Золотой Орды, татарских ханств и, наконец, нынешнего Татарстана. Даже по путинской конституции республики в составе РФ имеют юридический статус “государств”. Мы в состав империи добровольно не входили. И имеем право на выход оттуда, где мы насильно по факту удерживаемы в качестве заложников»⁵.

Еще одним примером продвижения постколониальных дискурсов в мемориальной политике Поволжья является использование башкирскими националистами памяти о Салавате Юлаеве. Созданный еще в рамках советской политики борьбы с наследием «царского режима» культ Салавата Юлаева как башкирского национального героя и руководителя восстания против Российской империи делает его удобной фигурой для «легального» протеста и сплочения радикалов. Другие, явно в спешке конструируемые символы деколонизации, как, например, «День памяти жертв геноцида башкирского народа» (24 января)⁶, связанный с событиями восстания 1740 г., менее подходят, поскольку не имеют устойчивой мемориальной традиции в национальной памяти башкир. Для протестной мобилизации памяти используется любой удобный повод, в частности, запланированная в 2023 г. реставрация памятника стала основанием для обвинений в попытке его демонтажа, что вынудило официальные СМИ оправдываться. Другой риторический прием – «защита» памяти – используется для противопоставления «правильных» и «неправильных» национальных героев: «В последние годы в республике происходит подмена памяти о Салавате Юлаеве. Его, например, все больше подменяют советским генералом Шаймуратовым. Некоторые публицисты и вовсе изображают Салавата бандитом и разбойником, мятежником»⁷. Одни исторические фигуры несут консолидирующий потенциал, другие могут быть встроены в деколонизационную повестку. Об этом откровенно пишет Руслан Габбасов, лидер признанной экстремистской башкирской националистической организации «Башкорт»: «Образ Салавата Юлаева, как и образ Заки Валиди вымывают из памяти башкир. Почему так делают, спросите вы? Потому что Салават Юлаев и Заки Валиди боролись за свободу башкирского народа против Москвы. А Шаймуратов боролся за Москву. Вот и весь ответ»⁸.

⁵ Idel.Реалии. *Народы удерживались в имперских клещах силой*. Руслан Айсин – о критике Навальной деколонизальной повестки (2024, 8 сентября). Взято 10 октября 2024, с <https://t.me/idelrealii/37412> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

⁶ История башкир. *History of the Bashkirs* (2024, 26 января). 24 января – *День памяти жертв геноцида башкирского народа*. Взято 10 октября 2024, с <https://dzen.ru/a/ZbLV4KTwtSEEyXl5?sid=107378190869245543>

⁷ Idel.Реалии. *В Уфе сегодня почтили память руководителя башкирского восстания против Российской империи Салавата Юлаева* (2023, 17 июня). Взято 10 октября 2024, с <https://t.me/idelrealii/28172> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

⁸ *Тот самый из Башкорт* (2024, 4 июня). Взято 10 октября 2024, с https://t.me/grs_bashqort/2205 (Материал распространен лицом, выполняющим функции иноагента).

Постколониальный национализм в России и на постсоветском пространстве: предварительные замечания

Историческая политика является основной формой существования постколониальных дискурсов на постсоветском пространстве, поскольку культура, доставшаяся в наследство от имперского периода, в том числе история, рассматривается как форма угнетения. Основной технологией является конструирование культурных травм, когда из репертуара национальной истории выбираются связанные с войнами события, имеющие потенциал для наращивания исторических претензий и обвинений в колонизаторской политике. Причем во многих случаях «атиколониальные» нарративы в отношении России сочетаются с позитивной оценкой «своей» империи, как, например, в случае с глорификацией Золотой Орды в ряде тюркоцентричных национализмов.

Максимальным выражением постколониального национализма является характеристика всех трех периодов российской истории как колониальных. Единой логикой имперского угнетения подвластных народов связываются Российская империя (в широком смысле, включая московский период), Советский Союз и Российская Федерация. При анализе исторической политики на постсоветском пространстве часто делается акцент на мемориальных конфликтах, касающихся переоценки советского периода общей истории, что справедливо рассматривается как инструмент манипулирования идентичностями и обоснования антироссийской внешней политики (Русаков, Русакова, 2020). Однако постколониальные дискурсы, составляющие важную часть национализма и этноцентризма на постсоветском пространстве, в значительной степени сосредоточены на пересмотре истории Российской империи, выступающей имперской матрицей для всех последующих государственных образований. Как показывает анализ примеров, полный процесс формирования этого дискурса проходит на Украине. В государствах Средней (Центральной) Азии ситуация отличается, маркеры «колониальной империи» и «национально-освободительной борьбы» применяются преимущественно к Российской империи, на современную Россию не распространяясь. Советский период оценивается хоть и критически, но с оговорками, признающими его позитивное значение в национальной истории, как в Казахстане и Узбекистане. В Таджикистане советский период оценивается преимущественно положительно, как положивший начало возрождению национальной государственности, в том числе отмечаются и отдельные «развивающие» аспекты имперского периода.

Внутри России значительное число мемориальных конфликтов, связанных с вхождением национальных регионов в состав России, в скрытом виде тоже содержат постколониальную проблематику. Хотя логика «трех периодов угнетения» характеризует только открытые сепаратистские проекты. Можно согласиться с мнением, что проблема конфликта между официальной памятью и региональными «контрмифами» не может быть однозначно решена путем их вытеснения на уровень неформальных практик, поскольку способствует сохранению напряженности в российском обществе (Летняков, 2021, 72). Напротив, решение проблемы видится в работе с памятью национальных сообществ с целью ее освобождения от рамок постколониализма и этноцентризма.

Список литературы

1. Аватков, В.А. (Ред.). (2024). *Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник*. Москва: ИНИОН РАН. <https://doi.org/10.31249/rvui/2024>
2. Багдасарян, В.Э. (2018). Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве. В К.А. Пахалюк (Ред.), *Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. статей* (с. 67–86). Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.
3. Бомсдорф, Ф., Бордюгов, Г. (Ред.). (2009). *Национальные истории на постсоветском пространстве – II*. Москва: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI.
4. Воронович, А.А. (2023). Память на Волге: актуализация прошлого и политика памяти в Поволжье. В А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко (Ред.), *Политика памяти в России – региональное измерение* (с. 267–297). Москва: ИНИОН РАН.
5. Данилов, А.А., Филиппов, А.В. (Ред.). (2009). *Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств*. Москва.
6. Касьянов, Г.В. (2004). «Пикник на обочине»: осмысление имперского прошлого в современной украинской историографии. В И.В. Герасимов, С.В. Глебов, А.П. Каплуновский, М.Б. Могильнер, А.М. Семенов (Ред., сост.), *Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей* (с. 81–108). Казань: Центр Исследований Национализма и Империи. (Б-ка журн. «Ab Imperio»).
7. Касьянов, Г.В. (2019). *Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018*. (Б-ка журн. «Неприкосновенный запас»).
8. Летняков, Д.Э. (2021). Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти. *Дискурс-Пи*, 18(2), 61–76. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61
9. Манышев, С.Б. (2020). Кавказская война сквозь призму региональных учебников. В К.А. Пахалюк (Ред.), *Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. статей* (Вып. 3, с. 78–89). Москва; Санкт-Петербург: Издат. дом «Рос. военно-ист. о-во»: Нестор-История.
10. Русаков, В.М., Русакова, О.Ф. (2020). Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы. *Дискурс-Пи*, 17(2), 27–47. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202>
11. Урушадзе, А.Т. (2020). Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе. В А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (Ред.), *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография* (с. 250–278). Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге.
12. Уффельманн, Д. (2020). Постколониальная теория как постколониальный национализм. *Новое литературное обозрение*, (1), 85–103.
13. Ферро, М. (1992). *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Москва: Высш. шк.

14. Шнирельман, В.А. (2024). *В погоне за предками: Этногенез и политика*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.

References

1. Avatkov, V.A. (Ed.). (2024). *Rossiya v uchebnikakh istorii stran Blizhnego i Postsovetskogo Vostoka, Kitaya: referativnyy sbornik* [Russia in history textbooks of the countries of the Middle and Post-Soviet East, China: a collection of abstracts]. Moscow: INION RAN. <https://doi.org/10.31249/rvui/2024>
2. Bagdasaryan, V.E. (2018). Stanovlenie obraza istoricheskogo vruga v shkol'nykh uchebnikakh istorii na postsovetском prostranstve [Formation of the image of the historical enemy in school history textbooks in the post-Soviet space]. In K.A. Pakhalyuk (Ed.), *Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom: sb. statey* (pp. 67–86). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Bomsdorf, F., & Bordyugov, G. (Eds.). (2009). *Natsional'nye istorii na postsovetском prostranstve – II* [National histories in the post-Soviet space – II]. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XXI.
4. Danilov, A.A., & Filippov, A.V. (Eds.). (2009). *Osveshchenie obshchey istorii Rossii i narodov postsovetских stran v shkol'nykh uchebnikakh istorii novykh nezavisimyykh gosudarstv* [Coverage of the general history of Russia and the peoples of the post-Soviet countries in school textbooks on the history of the new independent states]. Moscow.
5. Ferro, M. (1992). *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [The use and abuse of history: or how the past is taught]. Moscow: Vyssh. shk.
6. Kasyanov, G.V. (2004). "Piknik na obochine": osmyslenie imperskogo proshlogo v sovremennoy ukrainskoy istoriografii ["Roadside Picnic": Understanding the Imperial Past in Contemporary Ukrainian Historiography]. In I.V. Gerasimov, S.V. Glebov, A.P. Kaplunovskiy, M.B. Mogil'ner, & A.M. Semenov (Eds., comp.), *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: sb. statey* (pp. 81–108). Kazan: Tsentr Issledovaniy Natsionalizma i Imperii.
7. Kasyanov, G.V. (2019). *Ukraina i sosed: istoricheskaya politika. 1987–2018* [Ukraine and its Neighbors: Historical Politics. 1987–2018]. "NLO". (Biblioteka zhurnala "Neprikosnovennyj zapas").
8. Letnyakov, D.E. (2021). Osparivaemoe proshloe: k obosnovaniyu plyuralisticheskogo podkhoda k istoricheskoy pamyati [Contested past: on substantiation of a pluralistic approach to historical memory]. *Diskurs-Pi*, 18(2), 61–76. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61
9. Manyshchev, S.B. (2020). Kavkazskaya voyna skvoz' prizmu regional'nykh uchebnikov [The Caucasian War through the prism of regional textbooks]. In K.A. Pakhalyuk (Ed.), *Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom: sb. statey* (Iss. 3, pp. 78–89). Moscow; St. Petersburg: Izdat. dom "Ros. voenno-ist. o-vo": Nestor-Istoriya.
10. Rusakov, V.M., & Rusakova, O.F. (2020). Infrastruktura novoy politiki natsional'noy pamyati na postsovetском prostranstve. K postanovke problem [Infrastructure of the new national memory politics in the post-soviet space. To the

statement of a problem]. *Diskurs-Pi*, 17(2), 27–47. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202>

11. Shnirelman, V.A. (2024). *V pogone za predkami: Etnogenez i politika* [In Pursuit of Ancestors: Ethnogenesis and Politics]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

12. Uffelmann, D. (2020). Postkolonial'naya teoriya kak postkolonial'nyy natsionalizm [Postcolonial theory as post-colonial nationalism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (1), 85–103.

13. Urushadze, A.T. (2020). Pamyat' poluraspada: Kavkazskaya voyna v etnicheskikh kommemoratsiyakh i bol'shom narrative [Half-Life Memory: The Caucasian War in Ethnic Commemorations and the Grand Narrative]. In A.I. Miller, & D.V. Efremenko (Eds.), *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Evropy. Aktory, instituty, narrativy: kollektivnaya monografiya* (pp. 250–278). St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge.

14. Voronovich, A.A. (2023). Pamyat' na Volge: aktualizatsiya proshlogo i politika pamyati v Povolzh'e [Memory on the Volga: Actualization of the Past and the Politics of Memory in the Volga Region]. In A.I. Miller, O. Yu. Malinova, & D.V. Efremenko (Eds.), *Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie* (pp. 267–297). Moscow: INION RAN.

Информация об авторе

Александр Юрьевич Бубнов, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук; доцент факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6594-8407>, e-mail: alexandr-bubnov@mail.ru

Information about the author

Aleksandr Yuryevich Bubnov, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of State Academic University for the Humanities; Associate professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6594-8407>, e-mail: alexandr-bubnov@mail.ru
